

Угорської монархії. Окрім того, багато що з людського досвіду є універсальним. Як і оригінал роману «Марш Радецького», так і його переклад містять в основному конвенційні метафори, однакові у багатьох культурах. Наше дослідження показало, що обидві культури послуговуються в основному одними і тими ж метафоричними сценаріями, зумовленими схожими когнітивними образами, скриптами та схемами.

Отже, проведений аналіз ще раз засвідчує, наскільки спорідненими були і залишаються австрійська та українська культури.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Кияк Т.Р., Огуї О.Д., Науменко А.М. Теорія та практика перекладу (німецька мова). Підручник для студентів вищих навчальних закладів. – Вінниця: Нова книга, 2006. – 592 с.; 2. Лингвистический энциклопедический словарь (под ред. Ярцевой В.). – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.; 3. *Hodakowska N.* Stilistik der deutschen Sprache. Lehrbuch für die Studenten der Hochschulen. – К., 2010. – 216 с.; 4. *Kadrić M.* Translatorische Methodik. – 4., überarb. Aufl. – Wien : Facultas.wuv, 2010.—165 s.; 5. *Lakoff G., Johnsen M.* Metaphors we live by. London: The university of Chicago press, 2003. – 242 p.; 6. *Newmark P.* Approaches to Translation. – New-York: Prentice Hall, 1988. – 213 p.; 7. *Richards I.A.* Die Metapher // Haverkamp A. (Hrsg.) Theorie der Metapher. – 2. Wiss. Buchgesellschaft, Darmstadt, 1996. – S. 31-52; 8. *Snell-Hornby M.* Translation und Text. Ausgewählte Vorträge, Herausgegeben von M. Kadrić/ K. Kaindl Wien, 1996; 9. *Zybatow L.* (Hrsg.). Translationswissenschaft im interdisziplinären Dialog: Innsbrucker Ringvorlesungen zur Translationswissenschaft III. – Frankfurt am Main [u.a.] : Lang, 2005.

СПИСОК ДЖЕРЕЛ ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ:

10. *Пот Й.* Марш Радецького: Роман / Пер. з нім. Є. Горевой; Авт. передм. Д. Затонський. – К. : Юніверс, 2000 – 352 с.; 11. *Roth J.* Romane und Erzählungen, 1930 - 1936/ Hackert, Fritz. - Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1990.

Суркова О., Яскевич О. (Мінськ, Білорусь)

О прототипической структуре современной проповеди (на материале белорусских, русских и английских текстов)

В статье содержатся результаты описания категории текст в терминах когнитивной лингвистики. В частности, предполагается, что текст выстраивается вокруг определенного концепта (прототипа), укорененного в нашем сознании. Это дает возможность узнать, как представлена сама категория текста в сознании человека, с какой структурой знания и опыта она ассоциируется. Особенности организации прототипического текста рассматриваются на примере текстов современной проповеди, реализующих одновременно сакральную и профанную картины мира в своих устойчивых структурах.

Ключевые слова: текст, когнитивная лингвистика.

У статті містяться результати опису категорії текст в термінах когнітивної лінгвістики. Зокрема, передбачається, що текст вибудовується навколо певного концепту (прототипу), укоріненого в нашій свідомості. Це дає можливість дізнатися, як

представлена сама категорія тексту у свідомості людини, з якою структурою знання і досвіду вона асоціюється. Особливості організації прототипового тексту розглядаються на прикладі текстів сучасної проповіді, що реалізують одночасно сакральну і профанну картини світу в своїх стійких структурах.

Ключові слова: текст, когнітивна лінгвістика.

The article contains the results of the description of the text category in the terms of cognitive linguistics. In particular, it is assumed that the text is built around a specific concept (prototype), rooted in our minds. This allows us to find out how the text category itself is represented in human consciousness, with which structure of knowledge and experience it is associated. The features of organization of the prototypical text are discussed on the example of modern sermon texts, which represent at the same time a sacred and a profane picture of the world in their stable structures.

Key words: text, cognitive linguistics.

1.0. Описание текста и его категориальных признаков с когнитивной точки зрения предполагает, с одной стороны, принятие во внимание особого статуса текстов в реализации познавательных процессов, а с другой стороны, использование для характеристики текста тех процедур анализа, которые разработаны в системе когнитивной лингвистики.

Первое положение ориентирует исследователя на то, что любой текст фиксирует некоторый фрагмент человеческого опыта и результат рефлексии над ним. Такое свойство делает текст потенциальным объектом когнитивного анализа, т.е. позволяет установить, какие реалии объективного мира привлекли внимание создающего данный текст человека; какие именно фрагменты знания и его оценок закреплены в структуре этого текста и т.д.

Второй аспект проблемы концептуального анализа текста связан с тем, что любой текст содержит некоторую информацию, а значит, рассчитан на понимание, т.е. на выявление этой информации. В таком случае текст следует рассматривать как структуру, которая благодаря своей архитектонике и всем использованным в ней языковым средствам должна способствовать формированию у адресата ментальной модели, в большей или меньшей степени соотносимой с авторским оригиналом. Так текст обеспечивает адресату выход за пределы непосредственно реализованного в самом тексте знания о мире и служит источником последующих возможных интерпретаций этого знания.

Таким образом, в перспективе когнитивного исследования текст выступает как источник формирования в нашем сознании разнообразных ассоциативных и когнитивных структур (от элементарных фреймов и «сценариев» до более сложных ментальных пространств и даже «возможных миров»). Благодаря этому своему свойству текст вовлекает адресата в такого рода когнитивную деятельность, которая имеет дело с осмыслением человеческого опыта, зафиксированного в описаниях объективной реальности, и способствующего созданию новых возможностей познания этой реальности [6, 81].

При этом существенно, что текст способен выступать как единое целое, выполняя единую функцию в системе культуры. «Из всей совокупности сообщений на естественном языке культура выделяет и учитывает лишь те,

которые могут быть определены как некоторый речевой жанр, например, «молитва», «закон», «роман» и пр., то есть обладает некоторым целостным значением и выполняет единую функцию» [5, 13].

С точки зрения когнитивного подхода, описание целого текста предполагает экспликацию некоторого “результатирующего” семантического образования – концепции (фрагмента мира), ради которой и создается текст [4, 262]. В этом случае методика концептуального анализа текста направлена на построение образа или ментального представления, соответствующего сущности фиксируемого текстом фрагмента действительности, – *прототипа текста* (в понимании А.В. Бондарко (см. [3]). Когнитивные модели значения целого текста можно описать посредством эталонных репрезентантов (эталонных вариантов), в которых аккумулируется знание человека о мире. Такие репрезентативные ментальные образы обнаруживаются в *прототипических текстах*, представляющих определенный фрагмент действительности с наибольшей концентрацией специфических для него признаков.

Вводя понятие *прототипического текста*, мы планируем выбрать для анализа такую группу текстов, которые наглядно демонстрируют свою архитектонику и внутреннюю организацию. К прототипическим текстам можно отнести письма и небольшие инструкции, тексты-интервью, рецепты, рекламные тексты и т. п. Все это тексты небольшого объема, представляющие собой непосредственную материальную данность, обладающие четко выраженными пределами. Они демонстрируют такие важные характеристики текста, как его отдельность, формальную и семантическую самодостаточность, тематическую определенность и завершенность. Подобные тексты информативны, очевидна их когнитивная пресуппозиция – общий замысел и реализованный в особой языковой форме итог создания в виде особого семантического пространства. Это пространство цельного текста создается на разных уровнях – *лексическом, синтаксическом*, а также *интертекстуальном*.

1.1. В контексте нашего исследования весьма актуальным представляется концептуальный анализ *текста проповеди**, поскольку этот текст в значительной степени соответствует модели прототипического текста, внутренняя структура которого, как правило, наглядна и регулярна. Кроме того, в подобном тексте непротиворечиво обнаруживается авторская интенция, заданная прагматикой проповеди.

Уровни внутренней структуры проповеди могут быть смоделированы в соответствии с представлением о структуре прототипического текста.

1.1.1. *Лексический* уровень в структуре текста проповеди демонстрирует особую концептосферу, которая традиционно выделяет религиозный дискурс

* Материалом для данной статьи послужили пасхальные проповеди, произнесенные в 2010-2011 гг. Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, митрополитом Минским и Слуцким Филаретом, Папой Римским Бенедиктом XVI, архиепископом Кентерберийским Роуэном Уильямсом, а также пасхальные гом依ии (*Homilies for Easter Sunday Mass*) священнослужителей американских протестантских церквей.

среди прочих типов институционального общения.

Вся система ценностей религиозного дискурса, проявляемая в содержании проповеди, может быть представлена в качестве своеобразных оппозиций: практически все аксиологические понятия имеют здесь свою противоположность – «антиценность» (добро/зло, жизнь/смерть, истина/ложь, земное/божественное). Очевидно, что эти оппозиции определяются принадлежностью соответствующих понятий к разным мирам: сакральному (Бог и все праведники) и профанному (грешные люди).

Важнейшие концепты сакрального мира, упоминаемые в проповедях (*Воскресение Христово, Божественная любовь; заповедзі любові, подзвіг поству; the historic faith of the Apostles, the martyrs, the righteous; Resurrection and Ascension; an incomprehensible miracle*), позволяют верующему приобщиться Царствию Божию. Все, что идет от Бога и связано с ним, имеет непреходящую ценность. Среди ценностей сакрального мира постулируются божественная сила, праведность, безграничная власть, вечность божественного, божественное как источник мудрости и как нисходящая на человека благодать, истинность суда Бога, божественное как защита человека. Эти концепты имеют широкий ассоциативный потенциал. Признаки мира профанного – это «антиценности», упоминание которых в проповедях имеет дидактическую направленность (*всякие разделения в жизни нашей, суета житейских будней; грахі свету, шум пустагло 'уя і бура пажаднасцей; world so full of atrocity and injustice; the anxiety and vanity and resentment*).

Часто ценности сакрального мира маркируются особыми лексическими элементами – церковнославянизмами в русско- и белорусскоязычных текстах (*устраять красоту и гармонию, ниспосылаемая свыше благодатная сила; Пасхальны дабравест, Сіла Уваскрэлага Бога... жыватворыць Царкву*), архаичными лексическими и грамматическими формами в англоязычных проповедях (*dear brethren; Ye who fast and ye who fast not <...>; God giveth it a body as it hath pleased him*). Ту же функцию здесь выполняют отдельные слова и словосочетания на греческом, латинском и древнееврейском языках (*the Hristos Anesti which the Church so gloriously proclaims. Alethos Anesti – Indeed, He is risen!; The inner resurrection is the gnosis of the immortal light-spark within us; the external processes by which the cosmos <...> came into being; Today we can again sing "Halleluiah"; the framework of a week leading up to the Sabbath*).

При этом следует отметить, что в тексте современной проповеди традиционные для религиозного дискурса сакральные понятия могут попадать в «модернизированные» контексты: *евангельская мотивация наших поступков; the beginning of the resurrection story – a narrative of shock and amazement, utter disorientation; Sophia also has a celestial, starry and transcendent aspect*. Это позволяет приблизить стиль проповеди к публицистическому и научному стилям, дает возможность формировать звучащую современно терминологическую номенклатуру и устанавливать новые ассоциативные связи между элементами религиозного и иных дискурсов.

1.1.2. На уровне *синтаксической* архитектоники текста вообще и текста проповеди в частности основными средствами, обеспечивающими структурную цельность и связность текста, являются индикаторы анафорической и катафорической связи, актуального членения, единства временного и модального планов и др. Благодаря этим средствам текст как материальный объект существует в реальном времени и пространстве. Несмотря на возможность вычленения таких средств, они обеспечивают монолитность текста с помощью системы различных связей (в первую очередь, содержательной).

Анализ когнитивного аспекта формирования структуры связного текста включает функционально-когнитивное моделирование связности текста на базе его информационно-смыслового анализа.

Такой анализ, по мнению Е. Бартминьского, должен (1) подчеркнуть зависимость интерпретации связности от отношений между темой и ремой (T:R) отдельных высказываний, составляющих текст (и в частности, от способа понимания значения лексемы, занимающей позицию темы, а также от условий, определяющих последовательность рем в этом тексте (R:R)); (2) отметить зависимость семантики слова (темы) от того широкого фона, который формирует языковая картина мира [1, 299]. При этом *языковая картина мира* «является закреплением комплекса отношений, содержащихся в языковой структуре текста и вытекающих из знания о внеязыковом мире» [1, 305]. Если в тексте реализуется *стандартная* картина мира, то описываемым в данном тексте объектам реальности приписываются известные, стандартные признаки (стереотипы). Такие модели мира закреплены в общей языковой компетенции носителей языка и отражают общепринятое знание о мире. Если же ремы отдельных высказываний сообщают о событиях, которые не вписываются в систему привычных представлений об объектах (темах), значит, в тексте воплощена модель *нестандартной* картины мира. Стандартность либо нестандартность признаков объектов обусловлена прагматическими установками автора, а также типом дискурса, определяющего жанрово-стилевые характеристики текста.

Так, анализируемые тексты пасхальных проповедей демонстрируют, как правило, традиционные для христианского дискурса тема-рематические связи:

Ср., (T1) *Божественная сила Христа (R1) победила закон смерти. Он воскрес, свидетельствуя всему человечеству, что (T2) смерть — (R2) это не конец жизни, что (T2) смерть (R3) преодолевается силой Божией.*

(T1) *Жыццёвая пазіцыя хрысціянна — гэта (R1) пасхальная, дзейная любоў. (T2) Хрысціяннам называецца не той, (R2) хто пасіўна чакае ад суседа спакування. Мы самі (R3) павінны быць прыкладам стойкасці і мужнасці для бліжняга.*

(T1) *The resurrection is simultaneously (R1) an historical event and an extraordinary miracle. As an event, (R2) it occurred in history, (R3) certified by men in the same way as other historical events. As a miracle, (R4) it remains beyond time and space, as well as the comprehension of man.*

Однако в текстах (в частности, американских протестантских проповедях) можно также отметить случаи совмещения моделей *стандартной* и *нестандартной* христианской картины мира.

Ср., (T1) *Why do we rejoice today? We rejoice because* (R1) *our faith in Christ has been vindicated, (R2) truth has triumphed over falsity, (R3) justice over injustice and (R4) tragedy has turned into comedy. (T2) It is like watching one of the episodes of Batman. (R6) First you see an innocent and helpless victim being attacked, robbed, kidnapped, assaulted and tortured by a wicked assailant. And we feel so bad seeing the triumph of the bad guy. (R7) Then, almost at the point where the victim has given up hope and is at the point of death, down from the skies comes Batman to the rescue. (R7) He battles and defeats the bad guy and rescues the innocent victim. And we feel happy inside at the triumph of justice.*

В частности, пасхальная радость, переполняющая верующего в связи с Христовым Воскресеньем (T1), сравнивается с той радостью, которую испытывает зритель фильма о Бэтмене (T2) – супергерое, подвиги которого интерпретируются в контексте христианской аксиологии.

1.1.3. На уровне *интертекстуальных* связей текст сопоставляется с внетекстовым пространством, которое оказывает существенное влияние на процесс смыслообразования. В этом случае основой генерирования смысла станет переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую. Таким образом, сквозь призму интертекстуальности можно увидеть, как происходит интеграция различных языков культуры, проходящих сквозь текст, в единую материю, этот текст организующую.

Структура проповеди должна рассматриваться с точки зрения *прецедентности* религиозного дискурса, которая выступает показателем ценностной значимости текстового фрагмента. Различаются внешняя и внутренняя прецедентность проповеди [2, 165-166]. Под внутренней прецедентностью следует понимать воспроизводимость первичных образцов религиозного дискурса – фрагментов Священного Писания – в процессе построения вторичных жанровых образцов религиозного дискурса. Внешняя прецедентность представлена традиционно выделяемыми классами прецедентных феноменов: прецедентными именами, прецедентными высказываниями, прецедентными ситуациями.

В тексте современной проповеди узнаваемое сакральное имя обеспечивает глубинное восприятие денотата и ориентирует на исключительность, неповторимость этого восприятия. Так акт узнавания (или «напоминания») становится аналогичным акту познания, а «язык имен» (например, в пасхальных проповедях традиционно упоминаются имена Христа, Адама, Марии Магдалины, Иоанна Златоуста), стимулирующий установление отождествлений и эквивалентностей, порождает определенное состояние сознания.

Прецедентные высказывания, функционирующие в тексте современной

проповеди, могут быть разделены на канонические (употребляющиеся без изменений, в частности, в виде цитат с указанием источника) и трансформированные (в которых присутствуют изменения: реминисценции, аллюзии, цитатные темы и др.). В русско- и белорусскоязычных пасхальных проповедях чаще других цитируются Евангелия и Послания апостола Павла. При этом фрагменты Св. Писания всегда маркированы (вне зависимости от их длины) и легко вычлняются в структуре повествования (ср., *Господь не требует от нас непосильных подвигов. Обращаясь к душе каждого человека, Он вновь и вновь взывает: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко»* (Мф. 11:28-30). Или *И праздник Святой Пасхи помогает нам явственно почувствовать неразрывную связь не только с событиями двухтысячелетней давности, но и с грядущим торжеством «правды вечной»* (ср.: Дан. 9, 24). Или *Уважлива чытаючы Пісанне, мы можам задаць пытанне: чаму апостал Павел называе ўваскрэслага Сына Чалавечага першынцам з памерлых* (1 Кор. 15: 20)?

Англоязычные проповеди демонстрируют тенденцию к ограничению употребления авторами библейских цитат. Точно приведенным текстовым фрагментам из Св. Писания, усложняющим структуру проповеди и разделяющим ее на субтексты, проповедники предпочитают указание на прецедентные ситуации. С другой стороны, следует отметить случаи использования в проповедях цитат или отсылок к классическим произведениям английской художественной литературы (ср., *But into that chaos steps a figure before whose face 'the questions fade away' – the words with which C.S. Lewis finishes his greatest book, Till We Have Faces. Или They have been jolted out of the rut of what is usual and predictable – and joy springs on them without warning, 'Christ the tiger', in T.S. Eliot's great image.*

Прецедентная ситуация в отличие от прецедентного высказывания принадлежит когнитивному сознанию и выводится на языковой уровень с помощью различных средств вербальной коммуникации. В пасхальных проповедях это, как правило, ситуации, представленные в качестве инвариантных (эталонных): например, предательство Иуды – символ предательства вообще, неверие Фомы как «эталон» отсутствия веры.

Проповедник актуализирует прецедентную ситуацию в сознании паствы через отождествление верующих с действующими лицами этой ситуации (ср., *Воскресение Христово, будучи уникальным событием в истории мира, по замыслу Божию стало началом и нашего личного воскресения. Или Усё наша жыццё – гэта шлях вучняў у Эмаус, шлях праз горыч сумнення да зьяння Пасхі Хрыстовай.*

С библейской прецедентной ситуацией может быть соотнесена другая ситуация, актуальная для социума (либо ретроспективно – *Сёлета спаўняецца 25 гадоў шэсця беларускага народа крыжовым шляхам*

Чернобыльской бяды, либо в данный момент – Шлях ад Крыжса да Пасхі мы здзяйсняем і ў гэтым годзе. У дні Вялікага посту ў метро горада Мінска быў учынены тэрарыстычны акт. Загінулі людзі).

В англоязычных проповедях позиция библейской прецедентной ситуации часто замещается ситуацией «условно прецедентной». Проповедник рассказывает «случаи из жизни», приводя в пример чьи-то личные истории (ср., *A certain kindergarten teacher was telling her students the story of Jesus. In her class was a little boy who came from a non-Christian family. He was paying very close attention to the story because it was all new to him. As the teacher told how Jesus was condemned and nailed to the cross to die the boy's countenance fell and he murmured, "No! That's too bad!" The teacher then went on to tell how on the third day Jesus rose from the dead and came back to life <...>*). Такой прием позволяет, с одной стороны, приблизить к человеку мир сакрального, перевести библейские сюжеты на язык реальной жизни, а с другой – усилить эмоциональное воздействие на слушателей, вызвать их живой интерес к собственно библейской прецедентной ситуации, о которой будет говориться в проповеди далее.

Таким образом, проанализированные образцы пасхальных проповедей позволяют представить прототипическую структуру текста проповеди как регулярную и наглядную. В этой структуре непротиворечиво обнаруживается авторская интенция, заданная прагматикой проповеди. Последовательность представлений о сакральном и профанном, реализованных в текстах проповеди, принадлежит к религиозной картине мира и составляет одну из возможных ее конкретизаций. Ее более исчерпывающая репрезентация предполагает анализ более объемного корпуса гомилетических текстов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Бартминский Е.* Языковая картина мира и связность текста // Бартминский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М., 2005. – С. 296-319;
2. *Бобырева Е.В.* Религиозный дискурс: ценности и жанры // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. – 2008. – №1. – С. 162-167;
3. *Бондарко А.В.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // *Текст. Структура и семантика*, 1. – М., 4-13;
4. *Дымарский М.Я.* Дейктический модус текста и единицы текстообразования (на материале русского языка) // *Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании*. – СПб., 2000;
5. *Иванов Вяч.Вс., Лотман Ю.М., Пятигорский А.М., Топоров В.Н., Успенский Б.А.* Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам) // *Semiotyka i struktura tekstu*. – Warszawa, 1973. – С. 9-32.;
6. *Кубрякова Е.С.* О тексте и критериях его определения // *Текст. Структура и семантика*, 1. – М., 2001. – С. 72-81.